

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Балашова Е. Ю.	Концептуальные поля <i>вера, надежда, любовь</i> в религиозном христианском дискурсе (на материале текстов Национального корпуса русского языка)	5
Верник А. Г.	Теория социальных медиа в работах Маршала Маклюэна	10
Волошина И. С.	Параметры энциклопедического дискурса в лексикографическом описании термина on-line	13
Голованов И. А.	Поиски героя времени в публицистике и художественном творчестве А. Платонова 1920-х годов	17
Дадашева А. Т.	Причины нарушения некоторых норм языка художественной литературы в детском творчестве	21
Данькова Т. Н.	Метафоризация в русской сельскохозяйственной терминологии	25
Ермолаева Ю. А., Короткевич М. А.	Семантическое микрополе «глаголы речи» в русских говорах Башкирии	30
Кравец Т. В.	Лексические средства языковой реализации функционально-семантической категории ABSCHIED	37
Курашкина Н. А.	Экологическая информативность научных названий птиц (на примере орнитонимов отряда воробьеобразных)	43
Мальцева Н. А.	К истории коми-пермяцкого собственного имени «Отопково»	51
Нестерова Н. М., Поздеева Е. В.	«Диктат» язык и «новое слово»	55
Руссу А. Н.	Вариативность слова в немецком обиходно-разговорном языке	64
Севастьянова В. С.	Образы движения и неподвижности в языковой картине мира немецкой романтической поэзии (Новалис, Ф. Гёльдерлин)	70

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д. А. Циринг – главный редактор
В. Д. Бучельников – зам. главного редактора
Л. А. Шкатова – главный редактор научного направления
Е. Н. Азначеева, Н. В. Александрова, М. В. Загидуллина, С. А. Питина, Н. Б. Попова, Н. Б. Приходкина, И. А. Фатеева, Д. В. Харитонов

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в
Тел.: (351)799-71-34

Редактор *О. Ю. Редькина*

Компьютерная верстка *А. А. Селютина*

Подписано в печать
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. .

Тираж 500 экз. Заказ .
Цена свободная

Издательство

Челябинского государственного университета
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательства ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Св-во ПИ № ФС77-54546.
Индекс 81226 в Объединённом каталоге «Пресса России»

<i>Сергодеев И. В.</i>	Описание конститутивных признаков поэтического текста в соответствии с основными принципами синергетики (на примере поэмы Джеймса Дугласа Моррисона “The Lords”)	74
<i>Симакова С. И.</i>	Инфографика как средство визуализации экономической информации в СМИ	77
<i>Слуцкая К. А.</i>	Роль графической образности вербального компонента визуальной поэзии в ее семантизации	83
<i>Таскаева А. В., Кременскова О. А.</i>	Герой глазами современной молодежи (по данным ассоциативного эксперимента)	88
<i>Царикаева Ф. А.</i>	Теоретические основы изучения сложноподчиненного предложения в немецком языкознании	93
<i>Шарафутдинова О. И.</i>	Речевые средства создания образа ратора в советском политическом дискурсе начала 60-х годов XX века	98
<i>Широкова И. А.</i>	Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого ...	103
<i>Яковлев А. А., Телешева С. В.</i>	Некоторые особенности профессиональной языковой картины мира преподавателя вуза	107

**Уральское поэтическое движение (1981–2013):
история, аналитика, прогнозы**

<i>Абашева М. П., Серина А. И.</i>	Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии»	115
<i>Верина У. Ю.</i>	Поэт в книге стихов и антологии (по изданиям современной уральской поэзии)	121
<i>Гашева Н. Н.</i>	Культурологический аспект изучения пермской поэзии 1980–2000-х годов	125
<i>Даниленко Ю. Ю.</i>	Диалог с городом в поэзии молодых пермских авторов	132
<i>Загидуллина М. В.</i>	Жизнь поэзии в информационном пространстве как диалог: от УПШ 1.0 к УПД 3.0	139
<i>Катаев Ф. А.</i>	Интернет-блог как форма существования поэтического сообщества (на примере группы «ОДЕКАЛ»)	146
<i>Сидякина А. А.</i>	Уральский поэтический видеоарт в процессе становления российской видеопэзии	152

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

<i>Голованова Е. И.</i>	Международный конгресс по когнитивной лингвистике в Челябинске	156
Summary		159
Сведения об авторах		164

«ДИКТАТ» ЯЗЫКА И «НОВОЕ СЛОВО»

Рассматривается проблема взаимоотношений человека и языка, который в силу своей системности «навязывает» человеку правила пользования языковыми формами. Однако, как известно, сам же язык предлагает и средства преодоления «диктата» данной системы. К таким средствам относятся, в частности, авторская метафора и авторские лексические окказионализмы, которые рассматриваются авторами статьи как проявление «власти» человека над языком, как способы порождения новых смыслов.

Ключевые слова: язык, норма, творчество, стереотипность, окказиональность, метафора, окказиональное слово.

За влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык – начало свободы

В. фон Гумбольдт

Отношения между системой языка и языковой способностью человека, как известно, являются одним из ключевых вопросов в психолингвистике. Попытки описать, представить процесс речепорождения, последовательность этапов перехода от замысла к тексту нашли отражение в различных моделях, достаточно хорошо описанных в литературе. Классическим представлением процесса речепорождения можно считать описание этого процесса Л. С. Выготским, который считал, что акт порождения развивается, движется «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [8. С. 375]. Эта мысль Выготского в отечественной науке стала основополагающей для понимания механизмов речепорождения, протекание которого «следует определенной схеме, включающей в самом общем случае следующие звенья: мотив – замысел – формирование мысли с кристаллизацией группы личностных смыслов – оформление и развитие мысли за счет перекодирования личностных смыслов в языковые значения, связанные с определенными типами знаков, – организация этих языковых знаков во внешнее речевое высказывание» [28. С. 46].

Однако исследователи вынуждены признать, что при всей многочисленности имеющихся сегодня моделей процесс речепорождения остается по-прежнему «глубоко таинственным и содержащим в себе много непонятного» [28. С. 33]. «Таинство» речепорождения

заключается в том, что этот процесс соединяет в себе различные противоположные начала, среди которых такие, как *стереотипность* и *творчество*. Соотношение стереотипного и творческого в речевой деятельности неразрывно связано с соотношением языка, мышления и действительности, сложные взаимосвязи которых и находят отражение в сознании человека. Известно, что человек есть одновременно пленник (или даже раб!) языка и его же творец.

Тему «человек и язык», без сомнения, можно отнести к вечно новым и вечно старым проблемам науки о языке. «Эта тема стара, ибо люди уже давно понимают неразрывную связь языка и человека, но в то же время эта тема и вечно молода, так как каждая эпоха предлагает множество своих осмыслений взаимоотношений между человеком и языком» [7. С. 32]. В свое время эта проблема была сформулирована В. Гумбольдтом, согласно которому, с одной стороны, «человек думает, чувствует и живет только в языке», а с другой – «человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что он может выразить словами». Соответственно, «всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то **сила**, то **бессилие**», – писал Гумбольдт [11. С. 383]. Анализируя отношение «говорящий индивид/язык», Гумбольдт подчеркивал и их взаимовлияние, что и выражено в его словах, вынесенных в эпиграф.

«Бессильным» человека делает та самая «закономерность языковых норм», о которой и говорил Гумбольдт. Она становится свое-

го рода «средством принуждения». Известно, что вербализация, оязыковление мысли требует ее расчленения и организации по законам определенного языка. Известен пример Р. Барта, иллюстрирующий «принуждение» со стороны французского языка: «Так, говоря по-французски, я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта высказывания и лишь затем назвать совершаемое мной действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом <...> равным образом я всегда обязан выбирать между женским и мужским родом; средний или общий род находятся для меня под запретом; точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением ты, либо местоимением вы: в их эмоциональной или социальной нейтрализации мне отказано. Таким образом, в языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения» [2. С. 548–549]. Фатальность «отчуждения», видимо, и породила тютчевское: «мысль изреченная есть ложь» и еще более категоричное шопенгауэровское: «мысли умирают в ту минуту, когда они воплощены в слова».

В своей «Лекции» Р. Барт со свойственной ему эмоциональностью и образностью так представляет отношения пишущего/говорящего с языком: «Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: “порядок” и “угроза”. Как показал Якобсон, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. <...> весь язык целиком есть **общеобязательная форма принуждения**» (выд. наше – Н. Н., Е. П.) [2. С. 548].

Таким образом, Р. Барт считает язык средством «понууждения», не подчиниться которому очень трудно, и, рассуждая о «письме» и его свободе, он отмечает, что человек неизбежно превращается в «пленника чужих и даже собственных слов» [3. С. 334]. Мысль о «пленении» говорящего/пишущего звучит у него более чем категорично: «Язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это **обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать**

говорить нечто. <...> В нем (языке – Н. Н., Е. П.) с неотвратимостью возникают два полюса: полюс **авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению.** <...> знаки, образующие язык, существуют лишь постольку, поскольку они поддаются распознаванию, иными словами, поскольку они повторяются; знак несамостоятелен, стаден; в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в языке. И едва только свершается акт говорения, оба полюса соединяются во мне: я становлюсь господином и рабом одновременно» (выд. наше – Н. Н., Е. П.) [2. С. 548].

Другая причина деспотической власти языка кроется в самом языковом знаке, в его онтологической вторичности, в структуре его значения. Известно, что единый национальный (идеоэтнический) язык, одинаково доступный всем говорящим на нем членам общества, – это теоретическая, абстрактная категория, далекая от сути (природы) естественного языка. Так, М. М. Бахтин, критиковавший, как известно, сосюрговскую концепцию языка за отсутствие в ней указания на идеологические ценности, которые несут в себе языковые знаки и их связи, первым обратил внимание на отсутствие единства в любом национальном языке. Он, в частности, писал: «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы языка внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному» [4. С. 101].

Сказанное Бахтиным означает, что язык представляет собой набор социолектов, в знаках которых уже закреплены идеологические и социальные смыслы. Таким образом, пользуясь определенным социолектом, мы «обрекаем» наши слова значить то, что они значат в силу их устойчивой конвенциональности, нам не дана та «свобода слова», которой владел герой Л. Кэрролла Hupty-Dumpty, смело заявлявший: «When I use a word, it means just what I choose it to mean – neither more nor less» («Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше». – Перевод Н. Демуровой). Наше слово всегда значит больше или меньше того, что мы хотели сказать, что имели в виду: все

«наши» слова уже были сказаны до нас, а потому несут в себе «следы» предыдущих употреблений, и мы храним в своей памяти не только сами слова, но их употребления. Таким образом, можно утверждать, что «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [9. С. 14]. В силу оговоренности всех слов, в силу интертекстуальности нашего сознания и памяти можно считать, что над нами «довлеет» вторичность как общезыковая и общетекстовая категория.

Чтобы понять, как проявляется названная вторичность в языковом знаке, обратимся к структуре его лексического значения. Известно, что оно представляет собой комбинацию трех макрокомпонентов: денотативного аспекта значения, указывающего на объективированную в нем реальность (независимо от характера обозначаемого), категориально-грамматического компонента (который является обязательным для всех типов лексического значения) и, наконец, эмотивно-модального компонента, выражающего отношение субъекта речи к тому, что обозначено словом или выражением [26. С. 16]. Последний из названных выше макрокомпонентов – это коннотативный, который, согласно Р. Барту, и определяет вторичность языкового знака, именно этот компонент он называет «фрагментом идеологии».

Французский ученый считает, что денотативные (первичные) значения языковых знаков могут быть простой материальной опорой для вторичных означаемых – тех самых коннотативных смыслов, которые образуют свою семиотику. Рассматривая коннотативные смыслы, Р. Барт видит в них несколько существенных особенностей. Во-первых, они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным объектам, которые ученый называет знаками-функциями. Во-вторых, коннотативные смыслы латентны (скрыты) – они никогда прямо не называются, а поэтому они могут актуализироваться или не актуализироваться в сознании воспринимающего высказывание. Такого рода смыслы зависят от социокультурного контекста и никогда не фиксируются в толковых словарях, а потому их узнавание и интерпретация зависят от интерпретатора, его кругозора (лингвистического и культурного) и чутья. В-третьих, коннотативные смыслы легко поселяются в языковом знаке и также легко его покидают. Их жизнь зависит от кон-

текста, который их порождает – умирает контекст, умирают и смыслы, образуются лакуны. В-четвертых, эти смыслы диффузны, то есть один знак денотативной системы может иметь несколько ему сопутствующих коннотативных смыслов, и наоборот, один коннотативный смысл может быть связан с несколькими денотативными знаками, таким образом, коннотативные смыслы оказываются рассеянными по всему высказыванию (тексту), образуя стилистику последнего. В-пятых, они, пишет Барт, агрессивны – будучи сначала только сопутствующим денотативному значению смыслом, они постепенно начинают его подавлять, а иногда и вытеснять [1. С. 131]. В результате и происходит та самая утрата референта, о которой говорил Ж. Бодрийяр [5].

Таким образом, если сравнить денотативный и коннотативный компоненты значения языкового знака с точки зрения «вторичности», то можно сделать такой вывод: денотативное значение есть значение «безличное», оно просто указывает на «вещь», и, следовательно, здесь нет и не может быть никакой первичности или вторичности, в то время как коннотативное всегда лично, в нем всегда присутствует «человеческий фактор».

Коннотативный компонент значения языкового знака, будучи связанным с денотативным значением через некий ассоциативный образ, и придает окончательную окраску всему языковому знаку. Окраска, как известно, может быть различной по функции и по тональности. Тональность также может быть различной по яркости, силе экспрессии. Различны и механизмы создания коннотации [см., например: 23].

Итак, именно коннотация в силу особенности своей семантики (не означать, а созначать) позволяет выразить субъективно-личностное отношение автора к тому, о чем идет речь в его тексте. Иными словами, коннотативный компонент дает возможность показать, что мы думаем об этом фрагменте реальной или мнимой действительности, выразить свое отношение к говоримому и «заразить» этим отношением своего адресата. Однако парадокс заключается в том, что это коннотативное значение связано с предыдущими употреблениями знака, теми контекстами, в которых знак использовался. Этот компонент тоже оказывается уже «оговоренным», и за ним тянется длинный шлейф этой самой «оговоренности».

Таким образом, вторичность коннотативного компонента в структуре знака возникает

как след бывших употреблений этого знака, которые постепенно делают его конвенциональным и, далее, стереотипным. Так и возникает тот самый узус, который навязывает определенное использование и восприятие знака, в результате чего автор оказывается заключенным в «темницу лингвистической нормы» [18]. Отсюда напрашивается вывод: конвенциональность знака делает его вторичным, причем создает эту вторичность прежде всего коннотативный компонент его значения. Это и позволило Р. Барту сказать, что «в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип» [2. С. 550].

Итак, языковой деспотизм проявляется, с одной стороны, в жестоком узусе, диктующем человеку «как» писать и говорить, с другой – в «оговоренности», конвенциональности, а значит и стереотипности всех слов. Конвенциональность знака навязывает нашему слову свое значение, свой смысл, который мы не планировали в него вкладывать.

Теперь обратимся к другой стороне зависимости автора от языка – к «раскрепоощающей». Как и в чем может проявиться власть человека над языком? Что делает человека «сильным» в борьбе с языком? Как автор может противостоять диктату языка? Что такое «писать хорошо»? Известно мнение Гассета, считавшего, что секрет «хорошего письма» заключается в нарушении общепринятой нормы языка, в нарушении грамматики. И даже более того, он называл такое письмо «актом перманентного мятежа», направленного против той самой стереотипности, а значит, и вторичности. В свою очередь, Барт считал, что единственный способ освободиться от диктата языка и создать Литературу, – это «плутовать с языком», «дурачить» его. Поэтому он и называл литературой удавшийся «блистательный обман» [2. С. 550].

Рассмотрим, что же имеется в распоряжении автора для того, чтобы «плутовать с языком», подтачивать общепринятую норму языка. Очевидно, что узуальному может противостоять окказиональное, стереотипному – творческое. Как известно, основными операциями речепорождения на уровне оязыковления являются отбор языковых единиц и их комбинирование. Для представления взаимодействия данных операций (отбора и комбинирования) в процессе речевого поведения Р. Якобсон использовал термины «ось селекции» и «ось комбинации», отмечая при этом, что «селек-

ция производится на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии, комбинация – построение предложения – основывается на смежности» [30. С. 204]. Видимо, можно утверждать, что в «идеальном дискурсе» селекция и комбинация должны составлять гармонично сбалансированное единство. Примерами такой идеальной сбалансированности являются хорошо известные пушкинские, казалось бы очень простые и вместе с тем гениальные строки: «Я помню чудное мгновение» (не зря Набоков считал эту фразу непереводимой), «Народ безмолвствует», «Бывают странные сближения». Последнее – это заключительное предложение короткой «Заметки о “Графе Нулине”». Эти три слова, как будто бы «отлитые из бронзы», пришли к Пушкину отнюдь не сразу, он их искал, перебирал варианты: «Сближения бывают... Сближения случаются... Могут быть странные сближения» [6. С. 47]. Данный пример свидетельствует о том, как нелегко достигается настоящая гармоничность, нелегко даже для Пушкина, который прекрасно знал, как «словом крепко править».

Пушкинский «блистательный обман» языка заключается не в изобретении «новых» слов, а в уникальном соединении «старых», но очень тщательно отобранных. Есть, однако, и другие способы «плутовать с языком», и один из них – это **окказиональность** в широком смысле слова.

Как известно, впервые на окказиональность как «отклонение от узуальных значений слов» в индивидуальном употреблении обратил внимание Г. Пауль [21]. Окказиональное – это «те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и, которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с данным словом» [21. С. 94]. Таким образом, Г. Пауль говорил об окказиональном значении, отличая его от узуального значения. Среди основных отличий между окказиональным и узуальным значениями Г. Пауль выделял, с одной стороны, большее богатство окказионального, а с другой – его однозначность.

В дальнейшем вопрос об окказиональности в науке о языке практически не поднимался вплоть до 1957 г., когда была опубликована статья Н. И. Фельдмана «Окказиональные слова и лексикография». В ней Н. И. Фельдман писал об окказиональных лексических единицах, переноса акцент с содержательной окказиональности на окказиональность формальную.

К разряду окказиональных Н. И. Фельдман относит слова, которые представляют собой результат необычного сочетания словообразовательных элементов или слова, созданные по необычным словообразовательным моделям. Очевидно, что, по мнению автора, главнейшим признаком окказиональности служит необычная *форма* таких слов. Проблема же окказионального *значения* слова, то есть необщепринятого для данной формы слова, не рассматривается.

В последующие десятилетия появились работы, связанные с категорией окказиональности [см., например: 13, 27]. В одной из них – «Окказиональные элементы в современной речи» [27] – автор определяет окказиональность как «известную степень незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы» [27. С. 246]. Более того, нередко окказиональное слово неожиданно и для самого автора. А. Г. Горнфельд писал по этому поводу: «Человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал он его или сочинил: оно понятно ему, оно понятно его собеседнику – чего еще?» [10. С. 83].

Согласно А. Г. Лыкову, любое окказиональное явление *потенциально* (курсив наш) возможно и обусловлено внутренними движущими силами языка, не использовавшимися еще в речевой практике говорящего социума. Любое окказиональное явление – это выражение противоречия между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с другой [13. С. 73]. С этой точки зрения окказиональность может проявляться как на содержательном, так и на формальном уровне, в результате чего появляются новые, при этом экспрессивно окрашенные, средства.

К возможностям, которые позволяют слову выйти за пределы узуального, относятся, в частности, метафора и авторское окказиональное слово. В настоящей статье речь идет только о так называемой «художественной» метафоре, которая, в отличие от языковой метафоры, носит окказиональный, внесистемный характер, имеет и сохраняет авторство, контекстуально зависима, уникальна и невоспроизводима.

Как известно, метафора является мощным средством формирования новых смыслов, средством преодоления стереотипности и автоматизма: «тот, кто создает метафору, идет на

преодоление автоматизма в выборе средств из числа готовых» [24. С. 189]. Если вернуться к «осевой» модели речепорождения Якобсона, то метафоризация происходит, условно говоря, на оси селекции. В поисках нужного средства выражения для вербализации некоторого мыслительного образа в сознании автора происходит своего рода «короткое замыкание», которое соединяет разные сущности и их наименования, в результате чего возникает новое выражение, которое, в свою очередь, создает новый (обогащенный дополнительными ассоциациями) образ:

...железная смерть пахала воздух над их сердцами (А. Платонов «Одухотворенные люди»).

Теплые молочные сумерки стояли над гордом (Н. Лесков. «Леди Макбет Мценского уезда»).

...поднялся тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из жирного зноя (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Другим авторским средством выходом из языкового плена служит **окказиональное слово**, в котором «новым» является, прежде всего, его форма [26]. Э. Ханпира сравнивает «речевую смелость поэтов и писателей» с «речевой смелостью детей и афатиков», поскольку «тут и там нейтрализованы языковые ограничители» [27. С. 250]. При этом исследователь подчеркивает, что, в отличие от детей и афатиков, поэты и писатели создают свои окказионализмы вполне сознательно в поисках **новых** средств выражения:

*Когда мы вернулись с шампанским, застали Миндаля и Гендоса, рассказывающими Оленьке о наших сегодняшних идеях объявить ВДНХ независимым государством наподобие Ватикана в Риме... Опять же, мы ведь и представить себе тогда не могли..., что наши дурашливые идеи когда-нибудь воплотятся, и на территории СССР образуется великое множество нищих и озлобленных **вытеканчиков*** (А. Сегень. «Тройка, семерка, туз»).

*Теперешние же апартаменты привольно раскинулись на самом верху. В приемной отфильтровывал посетителей новехонький, с уставной картинки, лейтенантик – не то **секретант**, не то **адъютарь**, героически охранявший генеральский покой* (А. Балабуха. «Распечатыватель сосудов, или На Моисеевом пути»).

И утверждаю – после разрыва с женой, все еще ходит в холостяках – женатый человек

не будет так *очертяголови́чатъ*. Он позаботится о твердом окладе, квартире, перспективах. (И Ефремов. «Лезвие бритвы»).

«Вытеканчики», «секретант», «адьютарь» и «очертяголови́чатъ» – единицы, созданные, совершенно очевидно, *ad hoc*, и характеризующиеся, прежде всего, формальной новизной. Каждый из них имеет некую «стартовую точку» в виде слов-стимулов, уже имеющих в языке (вытеканчики=Ватикан+вытекать; секретант=секретарь+адьютант; адьютарь=адьютант+секретарь; очертяголови́чатъ=очертя голову). Творческая воля автора (и словообразовательные модели русского языка) превратили эти слова-стимулы в лексические окказионализмы.

Следует отметить, что «новая» форма окказионального слова нередко обуславливает появление и нового смысла. В типичном окказиональном слове его лексическое значение представляет, по словам А. Г. Лыкова, «развернутый веер возможностей» [13. С. 75]. «Части, вырезанные из слова и прихотливо соединенные, все же показывают признаки жизни. В них, частях, мерцают смыслы» [20. С. 210].

Диффузность или неопределенность значения лексических окказионализмов обусловлена тем, что они словно окутаны «флером» тончайших семантических, фонетических, словообразовательных, эмоциональных и иных ассоциаций. Даже узуальное слово (особенно в художественном тексте) «пропитано» множеством текучих, изменчивых смыслов, которое оно приобрело (и приобретает) в процессе многократных употреблений в речи. Каждое прикосновение мира к слову оставляет на нем свой отпечаток, углубляет, его «память». Это вдвойне справедливо по отношению к окказиональному слову, при понимании которого, возможно, стоит говорить не столько об интерпретации значения, сколько об интерпретации ассоциаций.

Примечательно, что, описывая особенности значения лексических окказионализмов, А. Г. Лыков употребил метафору («мерцают»), как бы подчеркивая их сущностную общность. Что же роднит окказионализм и метафору? Во-первых, они имеют общие истоки. Феномен творения «нового слова» (под ним мы понимаем любое окказиональное образование, созданное автором для нужд определенного контекста) – это всегда познание: познание окружающего нас мира, познание скрытых в языке возможностей и, в итоге, – самопознание. Мотивы

и причины появления «нового слова» связаны, в первую очередь, с потребностью (часто неосознаваемой) нового осмысления «мира» и с потребностью его выразить. Окказионализм и метафора – результат поиска слов, наиболее уместных в данной речевой ситуации. И тот, и другой вид «нового слова» – это отказ от стереотипности. Они – то, что делает речь непредсказуемой, а образы – яркими и запоминающимися.

Во-вторых, и окказионализм, и метафора – это особые формы представления знаний. Они вторичны по отношению ко всему нашему предыдущему языковому и внеязыковому опыту и являются особым обозначением неизвестного через известное. «Новые смыслы» или концепты, согласно Р. И. Павиленису, – это «сгустки» информации об актуальном или вероятностном положении дел в мире, которые включают все, что человек думает, представляет, воображает, предполагает или знает об объектах мира [19]. Метафора традиционно рассматривается как видение одного объекта через другой или «описание и осмысление сущности одного рода в терминах другого рода» (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону). Новизна и творческий характер метафоры заключается как в необычном сочетании концептов, так и в сочетании языкового знака и его означаемого: происходит концептуализация нового знания на основе уже сформированных и закрепленных в системе языковых знаков понятий. Другими словами, для метафоры данным (известным) будет ее формальная сторона, а новым (неизвестным) – содержательная. Для окказионального слова данным является лишь словообразовательная модель, по которой оно образовано; новым – и содержание, и форма, в которую оно заключено (см. напр. скукофония, помпулярный и др.).

В-третьих, и окказионализм, и метафора появляются на свет благодаря универсальному закону аналогии. В основе механизма метафоризации лежит универсальная способность человека видеть подобное в различном. Здесь уместно привести слова Н. В. Крушевского, который отмечал, что: «Все старое в языке основано преимущественно на воспроизводстве, на ассоциациях по смежности, тогда как все новое – на производстве, на ассоциациях по сходству» [Цит. по: 12. С. 64].

Аналогия как когнитивный механизм обработки знаний строится в метафоре, как известно, на категориальном сдвиге. Именно это отличает метафорический способ познания от

логического, где, прежде всего, устанавливаются причинно-следственные связи. Если для метафоры аналогия обнаруживается на концептуальном уровне (идет отождествление семантических признаков), то для окказионализма аналогия носит формальный (словообразовательный) характер – окказиональные слова образуются по моделям уже существующим в языке и речи.

В современной психологии творчество определяется как «деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей» и «явление по своей сущности культурно-историческое ..., предполагающее наличие у личности способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью» [22. С. 393]. В случае языкового и речевого творчества таким продуктом являются метафора и окказиональное слово, которые рождаются как результат встречи творческих начал, заключенных в языке и в том, кто им пользуется. Творческое начало первого – это наличие множества порождающих моделей, которыми располагает язык на всех своих уровнях. Творческое же начало человека в данном случае – это, во-первых, способность и умение пользоваться этими моделями, а во-вторых, способность и умение «прорываться» сквозь «колючую проволоку» стереотипности и лингвистической нормы.

Таким образом, можно сказать, что авторская метафора и окказиональное слово позволяют перекодировать личностные смыслы, о которых писал Л. С. Выготский, в такие типы знаков, которые делают слово, действительно **НОВЫМ**, по-бахтински неоговоренным, по-настоящему авторским. Они позволяют плутовать с языком, обходить закономерность языковых норм, реализуют гумбольдтовское обратное воздействие человека на язык, следовательно, создают возможность преодолеть «диктат языка».

Говоря о новом слове, необходимо подчеркнуть, что оно творится для того, чтобы быть «услышанным» другим, то есть быть транслированным в иное сознание. Трудно оспаривать утверждение В. фон Гумбольдта о том, что «никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка» [11. С. 84]. Говоря это, В. фон Гумбольдт имел в виду обычное слово. Бесспорно, однако, что

степень непонимания значительно возрастает при восприятии «новых слов» – метафоры и окказионализма

При общении, сознавая неизбежность некоторого непонимания, мы все же надеемся быть понятыми. Мы надеемся, что наше слово найдет «соответствующий клавиш духовного инструмента» у нашего собеседника и вызовет в нем соответствующее понятие, хотя оно, конечно, всегда будет пусть немного, но иным. В случае же «нового слова» возникшие в «чужом» сознании понятия могут значительно отличаться от наших, а их интерпретации самыми неожиданными, что и показало проведенное нами исследование смыслового восприятия и интерпретации «нового слова» (лексических окказиональных образований). В процессе исследования испытуемым предлагалось дать толкование ряду окказиональных слов, другими словами, осуществить «перевод для себя» [29. С. 127]. Приведем несколько примеров такого «внутреннего перевода»:

Декабрь – декабрьский (день или человек), человек, родившийся в декабре; дикобраз, живущий в море, животное, которое размножается в декабре; животное с жабрами, (у которого десять жабр); какое-то животное; стойкий, храбрый, храбрый в декабре; морозный, пасмурный, холодный; злой, недоброжелательный; неправильное прочтение слова «декабрьский»; слово «декабрьский», прочтенное заикой; устойчивый к декабрьским морозам; добрый; гордый, своенравный; предновогодний.

Вдохновенная – женщина, которая всегда вдохновляет; воодушевляет; девушка, вдохновляющая на благородные поступки; женщина, к которой приходит вдохновение; вечно находящаяся в состоянии вдохновения; женщина, которую не покидает вдохновение; бессмертная; вечная; вечноживущая; талантливая (одаренная) женщина (девушка); вдох; последний вдох; муза поэта; неправильное написание слова «вдохновенная»; вечность; возлюбленная; любимая; Анна Керн в старости.

Думоход – задумчивый человек; мечтательный человек; мечтатель; человек, который думает во время ходьбы; человек, который ходит и думает; думающий на ходу; полет мысли; направление мысли; цепочка рассуждений (мыслей); выход (ход) для мыслей – рот (голова, уши); вход в Государственную (Городскую) Думу; выборы в Думу; человек, играющий в DOOM; любитель игры в DOOM; неправиль-

ное написание слова «дымоход»; мыслитель; философ; шахматист.

Струнопись – ноты; нотные записи; написание музыки для струнных инструментов; нотная запись для струнных инструментов; древняя (особая) письменность на струнах; запись на струнах; надпись на струнах; игра на струнных инструментах; нотная тетрадь; струны; каллиграфический (разборчивый, хороший) почерк; музыка; мелодия.

Разумеется, мы можем только догадываться, какие ассоциации возникали у испытуемых в ходе интерпретации того или иного окказионализма, и какие из них оказали влияние на определение его значения. Однако мы полагаем, что наш эксперимент достаточно убедительно доказывает что «преобразование полученной человеком информации происходит в контексте его собственных языковых и энциклопедических знаний» [25. С. 13], а множественность интерпретаций, вероятно, свидетельствует о высокой энтропийности окказионализмов. Энтропийность окказионализмов становится особенно заметной при их межъязыковой трансляции. [См.: 14; 15; 16].

Таким образом, процесс порождения «новых смыслов» продолжается. И если при порождении «мысль творится в слове» (Л. С. Выготский), то при восприятии происходит обратное – «мысль творится словом». В этом и заключается диалектика сложных отношений между человеком и языком.

Список литературы

1. Барт, Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 114–163
2. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
3. Барт, Р. Нулевая степень письма // Семиотика. Антология. М., 2001. С. 327–370
4. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции // Философия постмодерна. Минск, 1996.
6. Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. 632 с.
7. Будагов, Р. А. Человек и его язык. – М.: Наука, 1976. 429 с.
8. Выготский, Л. С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. 573 с.
9. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.
10. Горнфельд, А. Г. Новые словечки и старые слова // Дом искусств. 1921, № 2. С. 82–87.
11. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.
12. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992. 214 с.
13. Лыков, А. Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи // Филологические науки. 1971, № 5. С. 70–78.
14. Наугольных, Е. А. Окказионализмы как элемент языковой игры писателя // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 83–90
15. Наугольных, Е. А. О «загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода / Е. А. Наугольных, Н. М. Нестерова // Вестн. Моск. ун-та. 2011. Сер. 22. Теория перевода № 2. С. 74–83.
16. Наугольных, Е. А. Языковая антинорма как авторский прием: проблема переводимости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 147–150
17. Ортега-и-Гассет, Х. Блеск и нищета перевода // Что такое философия. М., 1991. С. 336–352.
18. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–81.
19. Павиленис, Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.
20. Панов, М. В. О переводах на русский язык баллады «Джаббервоки» Льюиса Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. 1975. С. 239–249.
21. Пауль, Г. Принципы истории языка. М., 1960. 501 с.
22. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 484 с.
23. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.
24. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–52.
25. Тогоева, С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации. Тверь, 2000. 147 с.
26. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопр. языкознания, 1957. № 4. С. 63–71.

27. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М., 1972. С. 245–317.

28. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. 214 с.

29. Шлейермахер, Ф. О разных методах перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 2. С. 127–145.

30. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.